

ИННА ЧУРИКОВА:

«Я ПОДНИМАЛАСЬ НАД ЗЕМЛЁЙ»

Инна Чурикова не актриса в привычном понимании: и то, что она делает на сцене или экране, не актерская игра, а нечто большее. Именно поэтому мы все зачарованы ею раз и навсегда.

В разгар войны в далеком от фронта башкирском городе Белебей в семье Елизаветы Захаровны Мангровой и Михаила Кузьмича Чурикова родилась дочь. Когда счастливую мать привезли в палату, она неожиданно объявила соседкам: «Я родила королеву!» Прошло много лет, и те слова оказались пророческими: да не обидятся собратья Инны Михайловны по ремеслу — сегодня ей равных нет. Ее нельзя поставить в общий ряд.

сынком был маленький, я время старалась замедлить, чтобы только оно не несло — я наслаждалась.

— **Инна Михайловна, расскажите про еще одного вашего с Глебом Панфиловым ребенка — фильм «Начало».**

— После картины «В огне брода нет» Глеб придумал историю Паши Строгановой — фабричной девочки, которая волею случая попала в кино. Сценарий они с Евгением Габриловичем писали специально для меня. Я тоже что-то сочиняла, однажды взяла и написала сцену съемок, ту, где «мешали руки». Поздно вечером вернулся домой Глеб, я: «Глеб, можно я прочитаю тебе одну сцену?» Он послушал и говорит: «И все не так, и все не так». Сел и написал так, как потом эта сцена была снята.

— **Почему Глеб Анатолевич сейчас не снимает вас в больших ролях?**

— Глеб делает то, что у него намечено по жизни. Вообще, женщинам в кинематографе не очень везет: во-первых, для мужчин пишут гораздо больше интересного. Во-вторых, сейчас у меня другая история — моего возраста. Меня часто зовут сниматься и в сериалы, но я редко соглашаюсь: материал должен захватить меня.

— **Вы каждый день либо на сцене, либо на съемках, причем далеко не всегда в Москве. Как вы все успеваете?**

— Когда я была моложе, не была так занята и очень многое успевала, а сейчас я все время работаю. Играю почти каждый день. Я объединена от жизни — у меня своя жизнь, к которой я давно привыкла: театр, съемки. Потом я все время думаю о сыне, который вырос и живет отдельно, о маме...

— **Вы никогда не чувствовали, что как-то особенно влияете на людей, на партнеров по сцене?**

— Я не оцениваю себя со стороны, не слезу: «Ох, как я сейчас хорошо сказала!» Есть женщины, которые любят интриговать в жизни, закручивать ситуации, но мне это не нужно. А на сцене мне интересно дрожжи подпускать: например, мы с Коленькой Караченцовым играли спектакль «...soгу» — если я шла в какую-то сторону, то и он за мной, и наоборот, и вся сцена разрешалась неожиданно даже для нас. Про этот спектакль нам с Колей говорили, что мы могли бы играть его без зрителя, настолько нам самим было интересно.

— **Вы действительно можете обойтись без зрителя?**

— Меня увлекает сам процесс погружения в роль, в ситуацию, о которых я ничего не знаю. Я даже боюсь: а вдруг так и не докопаюсь до сути, и получится полуправда... Но когда я рука об руку с талантливым режиссером выбираюсь из чащи, в которой брожу в поисках того самого, все преображается, меняются краски мира — мне открывается то, чего я не знала раньше! Потом мы выходим на сцену, и тут появляется новый партнер — зритель. Но все-таки работа мне тем и интересна, что это — моя история.

**По материалам
информантства.**

— **Инна Михайловна, у вас в роду были артистически одаренные люди?**

— Моя бабушка Акулина Васильевна очень хорошо пела, была невероятно музыкальной — сто-процентный слух. Для хора Пятницкого по деревням искали певцов и певиц, приехали и в деревню Максы, где она жила. Послушали ее, восхитились и говорят: «Акулина Васильевна, милая, мы вас берем. Поедете с нами?» У бабушки уже семья была, шестеро детей. Она пошла к мужу — дедушке Захару: «Отпусти меня, мой дорогой, хочу петь!» А он — кулаком по столу и, естественно, не отпустил. И когда где-нибудь играли свадьбу, бабушка тихо сбежала из дому — бросала всё и

продемонстрировать ему тюленя и утвердили на роль ученицы Райки. Представляете, что это было для девочки, которая жила будничной школьной жизнью? После школы я поступала сразу во все театральные институты, но ни со Школой-студией МХАТ, ни с Щукинским училищем, ни с ГИТИСом ничего не получилось. Сейчас я понимаю, что это был Божий промысел — привести туда, где меня

шагами направилась к выходу, а когда была уже у самой двери, услышала: «Ладно, и у вас будет 75». В ТЮЗе я проработала три замечательных года, и именно там познакомилась с Лией Ахеджаковой. Личка тогда играла таких пронзительно печальных мальчиков!

— **А у вас какие были роли?**

— Дебютная — аж третья Баба Яга. Должна я была сыграть кормилицу в «Ромео и Джульетте», но не получилось. Зато мне дали роль Лисы в спектакле «Зайка-зайка» — вот такой у меня был «Шекспир». Я так серьезно готовилась: ходила в зоопарк — наблюдала за лисами, сама придумала моей героине танец. А у нас в театре была педчасть, которая после первого же моего выхода в «Зайке» вынесла решение: моя Лиса слишком сексуальная. Мол, это надо убрать. А я слова тогда такого не знала, поэтому не поняла, о чем речь.

— **Но пели вы, Инна Михайловна, в этом спектакле действительно страстно. Вообще, судя по вашему темпераменту, вы влюбчивая.**

— Да. Я в Даниэлю была влюблена, когда снималась в фильме «Тридцать три»... Как в мужчину, как в режиссера — он мне очень нравился.

так правильно выучили профессии: в Щепкинское училище, куда меня приняли в тот же год. Конкурс, как во всех театральных, был огромный, 100 человек на место.

— **Почему после окончания училища вы не могли устроиться на работу в театр?**

— Никому не нужна была, бедная. Я хотела ра-

ботать в Малом, мы же там в массовках бегали, танцевали в «Маскараде» с молодыми актерами — такие томные дамы в кринолинах. Мы с подружкой даже играли нищенки в «Грозе», где Кабанихой была сама Вера Николаевна Пашенная! Но в Малый театр меня не взяли и в Театре сатиры отказали. Мы с Тамарой Дегтяревой, моей подружкой, и Сашей Косыревым пошли показываться в театр юного зрителя (ТЮЗ). Нас приняли. Только моим друзьям определили зарплату в 75 рублей, а мне директор сказал: «Денег у театра больше нет. Так что вас мы берем на ставку суфлера — 45 рублей». Я напряглась — спорить с начальством еще не умела — и говорю: «Ну тогда до свидания. Я пошла. Меня это не устраивает». И робкими

меня маленькую каждое лето отправляли к ней в деревню. Для меня слово «родина» — это моя бабуля, через бабушку я вращалась в свою землю — мой корень уходил туда. Когда я приезжала в Максы, все деревенские собирались и просили: «Ина, спой что-нибудь!» И я пела, плясала, это было для меня естественным, я не была застенчивым ребенком. В то время!

— **Вы начали учиться актерскому ремеслу еще школьницей?**

— Когда я училась в девятом классе, подружка прочитала в газете, что студия при театре имени Станиславского объявляет набор абитуриентов и туда могут поступать все желающие, даже школьники. Правда, надо было выдержать конкурс, и подружке отказали, а меня взяли. В этой студии я проучилась два года, у нас были замечательные педагоги. Помню, как молодой Евгений Леонов пришел к нам на занятия, где мы учились работать с несуществующими предметами. Он с трудом поднял воображаемую гиру, начал размахивать ею — и как запустит вверх, в небо! И стал с нами разговаривать, а «гира» вдруг «упала», и он ее «поймал» — это было поразительно придумано, мы так смеялись от неожиданности!

На выпускных экзаменах в студии я показывала тюленя, меня заметили и пригласили к режиссеру Василию Ордынскому, который готовился к съемкам фильма «Тучи над Борском». Попросили

**Родилась
5 октября 1943 в городе Белебей
в Башкирии. Окончила театральное училище
им. М. С. Щепкина (1965).
С 1965-го — актриса Московского ТЮЗа, с 1968-го работала
по договорам, с 1975-го — актриса театра им. Ленинского комсомола
в Москве (ныне — Ленком).
Лучшая актриса 1971 года по опросу журнала «Советский экран»
(за роль Паши Строгановой в фильме «Начало»).
Лауреат Государственной премии РСФСР (1985, за участие в фильме
«Васса»). Народная артистка СССР (1991).
Премия «Ника» в номинации «Актриса» за 1991 год. Лауреат
Берлинского кинофестиваля в номинации «Актриса»
за 1984 год. Премия «Кинотавр» в номинации
«Премия за роль» за 1994 год.**

— **И тут появился другой режиссер — самый главный в вашей жизни.**

— Я еще работала в ТЮЗе и мечтала о больших ролях, а мне их не предлагали. Однажды в дверь маленькой однокомнатной квартиры, где я жила с мамой, позвонили. Я открыла: на пороге стоял незнакомый человек — это был второй режиссер на картине «В огне брода нет», которую собирался снимать молодой режиссер Глеб Панфилов. Глеб увидел меня в одной телевизионной постановке и решил разыскать. И вот гость протянул мне сценарий: «Ну, давайте читайте здесь, на кухне, а я подожду». Я буквально провалилась в текст: такой красивый мир на меня

поэтому отстоял меня. Картина «В огне брода нет» получилась настолько непохожей на другие фильмы о революции! Может, поэтому ее положили на полку.

— **Любовь, к счастью, на полку не положишь.**

— Вы знаете, я боюсь говорить об этом, потому что любые слова будут банальными. И во всем, что касается чувств, я не люблю расставлять точки — ведь это такая хрупкая, такая живая вещь! Хотя мы с Глебушкой прожили вон уже сколько лет, казалось бы, должны устать друг от друга (смеется). А знаете, когда я была по-настоящему счастлива? Когда родила наше с Глебом сокровище. Я родила сына — и это была моя история, без Глеба. Он, честно говоря, был в это время в Голландии, приехал то ли на второй, то ли на третий день. Мы месяц решали, какое имя дать сыну. Глеб говорил: «Давай назовем Ванечку Федей». Я: «А может, Федю Ванечкой?» Когда